

С.А. РАССАДИНА

Доктор философских наук, доцент

Профессор кафедры русского языка и литературы Санкт-Петербургского горного университета

УДК 130.2

ИЗОБРЕТЕНИЕ НЕЖНОСТИ

Глобальной чертой современной культуры является широкое использование образов домашних котом и кошек в различных сферах коммуникации. Автор статьи задаётся вопросом о культурологических причинах данного явления. Сопоставление с образами классической живописи и литературы позволяет нам увидеть историческую трансформацию культурных контекстов, связанных с кошачьими образами. Наряду с семиотикой культуры, для исследования рассматриваемых феноменов привлекается концептуальный инструментарий психологии культуры (в трактовке Д. Винникотта, Э. Эриксона), социологии цивилизационного процесса (в рамках теории Н. Элиаса), экзистенциальной феноменологии телесного опыта (в терминах Ж.-П. Сартра, Ж.-Л. Мариона).

Ключевые слова: образы домашних животных в культуре, семиотика культуры, психология культуры, теория цивилизационного процесса Н. Элиаса, феноменология телесного опыта.

S.A. RASSADINA

Dr. habil. of Philosophy, Professor

*Russian Language and Literature Department, St. Petersburg Mining University
St. Petersburg, Russia*

INVENTION OF TENDERNESS

Today's culture manifests a global trend to widely use images of domestic felines in various communications. The author asks herself how culturology can help to explain the phenomenon. By comparing the modern images with those created by classical visual arts and literature, we can see how the cultural contexts related to feline images have transformed through history. The phenomenon is studied through semiotics of culture along with conceptual tools developed by psychology of culture (cf. D. Winnicott, E. Erikson), sociology of civilizing process (cf. N. Elias), existential phenomenology of embodiment (cf. J.-P. Sartre, J.-L. Marion).

Keywords: images of pets in culture, semiotics of culture, psychology of culture, N. Elias' theory of civilizing process, phenomenology of embodiment

Любите ли вы котиков? Может быть, вы принадлежите к числу тех поклонников кошачьего рода, кто во всех мессенджерах предпочитает стикеры с мимимишными котячьими мордами? Или вы ненавидите эту котокатавасию, искренне считая, что мир сошёл с ума? Как бы то ни было, вам приходится иметь дело с новой культурной реальностью. Как гласит расхожая шутка, Интернет придумали в Древнем Египте: там тоже писали на стенах и поклонялись кошкам. Однако в наши дни дела обстоят куда более серьёзно. Котики становятся мерой всех вещей. «Нельзя убивать незнакомых людей, вдруг у них котик дома один», – если верить поисковикам, эту шутку пользователи Сети повторили миллионы раз. И если мир узнаёт о том, что некто дурно обошёлся со своим котиком, абьюзер испытает на себе все прелести «культуры отмены». Не так давно новостные порталы растиражировали сообщение о том, что футболист Курт Зума лишился контракта с Adidas и 250 тыс. фунтов стерлингов после публикации видео, на котором он бьёт кота за разбитую вазу.

Котики имеют собственные аккаунты в социальных сетях и собирают мириады подписчиков. Музеи и культурные площадки стремятся обзавестись собственным котом, а лучше не одним, поскольку в этом видится залог успешного продвижения в социальных сетях. В минувшем году в Петербурге, претендующем на роль «культурной котостолы», прошёл конкурс, в котором приняли участие музеи, театры, галереи и предприятия 17 городов России, представившие на суд публики фотоснимки своих штатных котов и кошек.

Роль котиков в современной рекламе поразительна. Те времена, когда альфой и омегой рекламного позиционирования был сексуальный подтекст, кажутся далёким прошлым. Маркетологи новой эры будут подтрунивать над верой в магию универсального означаемого орхидей и бутылок как над наивными заблуждениями седой старины. Котики, котики и ещё раз котики: они продают бытовую технику, модные бренды и даже автомобили. Причём в последнем случае креативщики проявляют чудеса изобретательности, чтобы связать продукт с образом котокумира: это и сближение звука мотора с кошачьим мурчанием (реклама Toyota Corolla со слоганом Feels Good Inside); и ассоциация возможностей автомобиля с ловкостью кошачьих (KIA Picanto, рекламный слоган – Small Yet Mighty); и наглядная демонстрация аэродинамических свойств (Mercedes-Benz). Складывается впечатление, что в условиях новой этики котики легитимируют вытесняемую из дискурса фаллическую агрессию, традиционную для автомобильной рекламы, и придают ей социально приемлемую форму (в этом плане показательна реклама Hyundai i30).

Некоторые сюжеты дают основание предполагать, что котомания, действительно, отсылает к образу прирученной агрессии, несёт семантику

природы, соразмерной человеку и безопасной для него. Так, ироничная картинка изображает сладко зевающего полосатого котёнка на фоне огромного черепа его первобытного кошачьего предка, а в пандан к нему изображён пушистый цыплёнок, позирующий на фоне устрашающего черепа птеродактиля. Приведение масштаба природы к масштабу человеческого уюта – метафора цивилизации и механизм психологической защиты, помогающий преодолеть страх перед теми аспектами реальности, которые не поддаются контролю. И здесь можно было бы поставить точку. Однако остановившись на такой трактовке, мы не найдём ответа на основной вопрос современной культурологии: «Почему в нашем культурном ландшафте преобладают именно коттики»? С точки зрения семиотики культуры, важно понять, что является означаемым современных котореалий, а для этого необходимо сопоставить исторические котоконтексты. А с точки зрения психологии культуры, целесообразно поставить вопрос о том, на какую травму, на какую фрустрированную потребность накладывается современная котомания.

Выбор братьев наших меньших, пригодных для повседневного обожания, может быть, не так велик. Однако у котов есть исторически значимые конкуренты – собаки; именно представители этого вида до настоящего времени ассоциируются с выражением «друг человека». В научно-фантастическом романе К. Саймака «Город», написанном в середине XX века, культурные тенденции новейшего времени приводят к перерождению урбанистической цивилизации людей в цивилизацию роботов и говорящих псов. Первые перенимают рационально-созидательные способности человека, вторые олицетворяют интуицию, эмпатию, социальное взаимодействие. Аналогичная пара недавно появилась в постапокалиптическом кинофильме «Финч» (2021): главный герой, обеспокоенный близостью своей смерти, создаёт робота, который сможет позаботиться о его собаке. Как видим, тандем «робот и собака» оказывается достаточным для воплощения основных ипостасей человеческого бытия – *res cogitans* и *res extensa*. Зачем же понадобились коттики?

Можно предположить, что коттики выиграли в глобальном масштабе вследствие того, что в ряде культур (мусульманские регионы, Индия) собака считается нечистым животным и не воспринимается как компаньон человека (впрочем, если мусульманские хадисы проникнуты симпатией к кошкам, то в Индии к этим созданиям едва ли относятся намного лучше, чем к собакам). Вместе с тем, мы можем проследить значимое развитие семантики кошачьих образов в западной культуре, несомненно оказавшей влияние на современные глобальные тенденции. Можно заметить, что в классической европейской живописи Нового времени коты выполняют

диаметрально противоположные функции. С одной стороны, это коварные хищники, стремящиеся украсть у человека его добычу: в этом качестве на плотоятных полотнах Снейдерса они противопоставлены терпеливым и сдержанным собакам-помощникам. С другой стороны, коты и кошки олицетворяют буржуазный уют, наполняя картину благостным спокойствием, – как котёнок, свернувшийся у ног Марии, в «Благовещении» Рубенса. Котообразы как будто вбирают в себя амбивалентность самой человеческой природы – в них сочетаются вольный дух, тяга к бродяжничеству и любовь к комфорту, привязанность к семейному очагу. Эта аналогия прямо прослеживается в рассуждениях известного персонажа Гофмана о котках-буршах и котках-филистерах.

Современная цивилизация почти не нуждается в охотничьих качествах домашних котов, ради которых они некогда получили место под человеческим кровом. Однако всё большее значение приобретает способность домашних кошек источать уют и умиротворение. Марк Твен уловил эту тенденцию в «Простофиле Вилсоне»: «Если среди этих горшков и ящичков оставалось свободное местечко, то его в погожий денек непременно захватывала кошка и, растянувшись во всю длину, погружалась в блаженный сон, выставив пушистое брюшко на солнце, уткнув нос в согнутую лапку. И это был уже совершенный домашний очаг, ибо кошка служила символом и безошибочным свидетельством того, что под этой крышей царят довольство и покой. Говорят, что и без кошки – откормленной, избалованной, привыкшей к почитанию – бывают идеальные дома; быть может, не спорю, но как это доказано?» (перевод В. Лимановской) [4].

Благостное впечатление, производимое котиками, – нечто большее, чем исчислимое буржуазное благополучие. Нам представляется, что оно отсылает к некоторым базовым телесным паттернам, с необходимостью реализуемым в культурных формах. Этот культурно-психологический аспект раскрывается, если мы попробуем соотнести рассматриваемые феномены со стадиями развития человека. Наиболее удобный инструментарий для такой концептуализации предоставляет теория Э. Эриксона [7]. В терминах данного подхода можно наглядно показать отличия в культурно-психологической функции основных животных-компаньонов. Собака – товарищ в играх и помощник в хозяйственных делах, требующих двигательной активности. Паттерны «собачников» отсылают к той стадии в жизни ребёнка, когда на первый план выдвигается целенаправленная интрузивная локомоция, реализуемая в подражании взрослым ролям, в первых хозяйственных обязанностях и во взаимодействии со сверстниками в процессе ролевых подвижных игр. Этот интрузивный

модус телесного опыта метафоризируется в образе собаки как спутницы охотника – «гончей», «ищейки».

Паттерны «кошатников», как нам представляется, восходят к более ранней стадии детства. Двойственность кошачьих образов, отмеченная выше, соотносится с тем периодом в жизни человека, когда зарождающаяся личность пребывала либо в состоянии агрессивной потребности получить пропитание, либо – получив требуемое – погружалась в состояние благостного удовлетворения и спокойствия. Эту первую стадию человеческого бытия традиционно именуются «оральной», отдавая должное авторитету З. Фрейда, использовавшего данный термин. Однако не исключено, что значение орального локуса в описании первичного опыта удовольствия несколько переоценено. Здесь можно вспомнить хрестоматийные эксперименты Г. Харлоу с детёнышами обезьян, показавшие, что функция кормления сама по себе не вызывает привязанности, если источник пищи не обладает приятными тактильными характеристиками – малыши предпочитали проводить время не у кормушки, а у мягкого манекена, находя в нём источник комфорта и успокоения. Доверительный тактильный контакт имеет дочеловеческую природу. Известно, что обезьяны проводят время, перебирая друг у друга шерсть. Помимо практических целей, подобный контакт имеет символическую функцию – он говорит об отсутствии агрессии, создаёт атмосферу безопасности.

Для человеческого детёныша первичный опыт бытия – это опыт взаимодействия со значимым другим, наполненный тактильными впечатлениями. При благоприятном стечении обстоятельств этот опыт становится прототипической формой экзистенциального благополучия. В терминах Э. Эриксона, происходит формирование базового доверия к миру. Опыт обретения себя через физическую близость с другим существом становится прообразом многих культурных практик, направленных на обретение внутренней целостности, восстановление жизненной энергии, достижение гармонии. С этой точки зрения, ассоциация между котами и домашним уютом носит не столько фактографический, сколько глубинно-символический характер. Архетипический образ дома отсылает к тому же первичному опыту: как отмечал Д. Винникот, для ребёнка мать – не объект (object mother), а среда (environmental mother) [9; С. 73-82]. Последователи Винникота развили его идеи, интерпретируя различные формы культуры как символическую замену первичных отношений. Благодаря уютному соседству с котиком человек погружается в дорефлексивную реальность, формат которой позволяет ему прикоснуться к истокам собственного бытия, получить доступ к ресурсам внутреннего благополучия. Таким образом, котики дарят нам чувство умиротворения и подсознательное ощущение

ние безопасности, поскольку позволяют воспроизвести первичный опыт пребывания со значимым другим, основанный на тактильном резонансе. Это наиболее точная реализация «предустановленной гармонии», проявляющейся в удивительном совпадении интенций двух живых существ. «Самое сладкое, – говорится в одном из кототекстов, получившем «вирусное» распространение в социальных сетях, – Это когда ты садишься пить чай, а котик подходит к тебе, встает на задние лапки, передней вежливо трогает за коленку и смотрит такой: “Можно?” И ты берешь его на ручки, потому что конечно же можно, а он урчит и всяко клубочится».

Культурологические теории, основанные на психоанализе, в целом позволяют нам трактовать культуру как систему компенсации фрустрированных базовых потребностей. Соответственно, правомерно поставить вопрос о том, как и когда оказалась глобально фрустрирована потребность в умиротворяющем тактильном контакте. Исторический материал даёт нам основания говорить о том, что до недавнего прошлого формы тактильного взаимодействия, принятые в человеческих сообществах, были гораздо более разнообразны. На полотнах Андрииса Бота (1630), Геррита ван Хонторста (1628), Герарда Терборха (1652-1653) и Мурильо (1675) мы видим трогательные интимные сценки, отсылающие к ранее упомянутым доантропологическим мотивам: изображённые персонажи выбирают насекомых из волос и одежды своего компаньона. Предложение «давай поищемся» (т.е. поищем друг у друга насекомых) этнографически фиксировалось в деревенском быту до последней трети XX века и, по свидетельству очевидцев, было одной из формул гостеприимства.

Принципы гигиены, постепенно внедрявшиеся на протяжении Нового времени, привели к заметному сужению сферы расслабляющих доверительных соприкосновений. В 1939 году, подводя определённые итоги развития западноевропейской цивилизации, Норберт Элиас предложил теорию, согласно которой политические и социально-экономические реалии западного мира сопряжены с усилением подсознательного самоконтроля, позволяющего минимизировать количество проявляемой агрессии [5]. Этот самоконтроль осуществляется на уровне телесной организации (габитуса). Новоевропейская культура порождает особую телесность, предполагающую функцию автоматической блокировки спонтанных импульсов в присутствии другого человека. Свою теорию Н. Элиас подкрепил скрупулёзной выборкой из литературы по этикету, показав как десятилетие за десятилетием устрожались и детализировались правила телесной самоизоляции: на столе вместо общего блюда появились индивидуальные приборы, использование которых постепенно всё строже регламентировалось; вышел из употребления обычай угощать другого человека тем, что ранее побывало у тебя во рту; отправление естественных потребностей

было перенесено в специальные закрытые помещения; для избавления от излишков слюны начинают использовать плевательницы, а затем эта потребность и вовсе сходит на нет.

Культурная трансформация физиологических привычек со временем получила гигиеническое обоснование, и в культуре надолго закрепилось внушаемое правилами этикета чувство неловкости и стыда, которое заставляет нас невольно ограничивать проявление потребностей своего тела в присутствии другого и сводить к минимуму телесные контакты. Новоевропейское тело становится изолирующим контейнером. Его концептуальным коррелятом является идея монады, не имеющей ни окон, ни дверей. Эту тему Н. Элиас разрабатывает в более поздней работе «Включённость и дистанцирование», в которой показана связь новоевропейских телесных практик с интеллектуальными установками [8]. И наконец, суммируя итоги XX века в «Обществе индивидов», он описывает базовый паттерн западной цивилизации формулой «смотри, но не трогай» [6; С. 166-167]. И мы видим, как ситуация усугубляется в современной культуре, когда прикосновение табуируется, поскольку оно может быть проинтерпретировано как обременённая сексуальным подтекстом агрессия.

Какое-то время магия прикосновений, расколдовывающих монаду, находила прибежище в эротическом дискурсе. В эссе «Эротический феномен» Ж.-Л. Марион проводит различие между опытом тела как объекта, встречающего в мире сопротивление других тел, и опытом плоти как самосуществления, получаемого в дар от экзистенциально значимого другого: «Впервые другой даёт меня мне самому, наделяя меня в первый раз моей плотью. [...] Удовольствием называют само принятие другим моей плоти, откуда я получаю обладание своей собственной. [...] Заражённая сопротивлением другого тела, бывшая плоть превращается в тело, в каменное сердце, в жёсткий объект, пригодный для жизни с другими телами» [2]. Текст Мариона принадлежит к той же феноменологической парадигме, что и работы Ж.-П. Сартра, трактовавшего тело-для-другого как объект – «непостижимый и отчуждённый» [3; С. 371]. Выпестованная экзистенциализмом концепция радикального одиночества отражает ту самую ситуацию «смотри, но не трогай»: модальность взгляда – это модальность объективации, тогда как модальность ласки, если следовать Мариону, позволяет уйти от субъект-объектной интерпретации взаимодействия с другим. Иллюзия предустановленной гармонии феноменологически переосмысливается как потенциал интересубъективности. Так организован, например, кинематографический язык Роже Вадима в «Опасных связях 1960»: взгляд – отторжение, прикосновение – взаимность.

Однако складывается впечатление, что сексуальная революция нанесла сокрушительный удар по образу гармонии соприкасающихся тел. Сексуальное просвещение ведётся на языке медицины. Интимный опыт репрезентируется в терминах обезличенной физиологической механики и гигиенической тревожности. Объективирующий взгляд медика предвосхищает опыт моего тела и подменяет его. В той мере, в какой истина тела передаётся средствами медицинского дискурса, описывающего его в терминах объективных закономерностей, это тело перестаёт быть мной, обретающим себя в наслаждении с другим. Любопытно будет посмотреть на особенности чувственности и сексуальные практики поколений, формировавшихся в эпоху борьбы за отстаивание личных границ и тотального проникновения медицинского дискурса.

Развитие медицины, ставшее возможным благодаря пониманию тела как объекта, и внедрение практик медицинского контроля, которому субъект подвергается с раннего детства, – один из аспектов механистической картины мира, сформировавшейся в культуре Нового времени. Механистическое переосмысление телесных практик отчётливо прослеживается в современной подаче «Кама-сутры»: вопрос о возможности взаимного удовольствия превращается в рассуждение о том, каким образом агрегат А может воздействовать на рычаги агрегата В для того, чтобы получить максимальный КПД при заданном наборе технических опций. В своё время Р. Барт отмечал, насколько близки образ человека-машины, предложенный де Ламетри, и образы де Сада [1; С. 163]. Отчуждённая механистическая телесность не оставляет шанса обрести взаимность. Другой низводится до уровня объекта для механистического самоудовлетворения одинокой монады. Вероятно, именно этой культурной травмой объясняется странный успех экранизации «Пятидесяти оттенков серого»: в сюжете (в целом довольно банальном) мотив насилия объединяется с мотивом табу на прикосновения. В контексте нашего рассуждения данный казус можно описывать не только в терминах индивидуальной перверсии, но и в терминах социально сконструированного телесного опыта (габитуса), продуцирующего экзистенциальное одиночество.

Попав в ловушку габитуса, обрекающего нас на опыт изолированно-го тела-объекта, современный человек подсознательно ищет возможность каким-то другим способом реализовать экзистенциальный потенциал тактильности, благодаря которой наше тело обретает энергию жизни через присутствие другого. В поисках релевантных практик мир изобрёл коти-ков, заново открыв их как источник нежности. В условиях культуры тотального одиночества котика оказались способны одарить человека иллюзией полной гармонии взаимного наслаждения. Ощущая физическое тепло урчащего от удовольствия живого существа, мы обретаем тот опыт при-

знания и безопасности, отсылающий к первичным телесным паттернам, который даёт возможность ощутить себя живым, а мир – уютным. Возможно, мы наблюдаем новую веху в культурной истории либидо – она свидетельствует об ином типе травм и требует иных форм терапии. Психоаналитические кабинеты остаются в прошлом, уступая место котокафе и другим котопрактикам. Кототерапия предлагается при депрессии, аутизме, биполярных расстройствах. Тёплое кошачье присутствие как будто способствует возвращению инстинкта жизни, помогает одолеть тягу к небытию. На аватарке, подсмотренной у одного милого юноши из очень далёкой страны, изображены в стиле «Сотворения Адама» котёнок с вытянутой лапкой и костистая кисть скелета. «Котики или смерть?» – так выглядит современная вариация на тему вечного шекспировского вопроса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Сад, Фурье, Лойола. – М. Практис. – 2007.
2. Марион Ж.-Л. Пусть возбуждается плоть. Отрывок из книги «Эротический феномен» // Зеркало. – № 27–28. – 2006. URL: <http://zerkalo-litart.com/?p=1572> (дата обращения 15.03.22).
3. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика. – 2000.
4. Твен М. Простофиля Вильсон // Собр. соч. в 8 тт. Т. 6. – М.: Правда. – 1980. URL: <http://www.lib.ru/INPROZ/MARKTWAIn/wilson.txt> (дата обращения 15.03.22).
5. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования в 2 тт. Т.1: Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. – М., СПб.: Университетская книга. – 2001.
6. Элиас Н. Общество индивидов. – М. Практис. – 2001.
7. Эриксон Э. Детство и общество. – СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга». – 1996.
8. Elias N. Involvement and detachment. – Oxford, N.Y.: Blackwall. – 1987.
9. Winnicott D. The maturational processes and the facilitating environment. – London: Karnac Books Ltd. – 2007.

REFERENCES

1. Bart R. Sad, Fur'e, Lojola. – M. Praksis. – 2007.
2. Marion J.-L. Pust' vobzuzhdaetsya plot'. Otryvok iz knigi «Eroticheskij fenomen» // Zerkalo. – № 27–28. – 2006. URL: <http://zerkalo-litart.com/?p=1572> (дата обращения 15.03.22).
3. Sartre J.-P. Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii. – M.: Respublika. – 2000.
4. Twain M. Prostofil'ya Vil'son // Sobr. soch. v 8 tt. T. 6. – M.: Pravda. – 1980. URL: <http://www.lib.ru/INPROZ/MARKTWAIn/wilson.txt> (дата обращения 15.03.22).
5. Elias N. O processe civilizacii. Sociogeneticheskie i psihogeneticheskie issledovaniya v 2 tt. T.1: Izmeneniya v povedenii vysshego sloya miryan v stranah Zapada. – M., SPb.: Universitetskaya kniga. – 2001.
6. Elias N. Obshchestvo individov. – M. Praksis. – 2001.
7. Erikson E. Detstvo i obshchestvo. – SPb.: Lenato, AST, Fond «Universitetskaya kniga». – 1996.
8. Elias N. Involvement and detachment. – Oxford, N.Y.: Blackwall. – 1987.
9. Winnicott D. The maturational processes and the facilitating environment. – London: Karnac Books Ltd. – 2007.